

ПОЭТЫ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

ЮЛИЯ
ЯКОВЛЕВА
•
ПОЭТЫ
И
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
•
Роман-ранобэ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Я47

Редактор серии — Д. Ларионов

Яковлева, Ю.

Я47 Поэты и джентльмены: Роман-ранобэ / Юлия Яковлева. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-4448-2170-1

В разгар Крымской войны вступают в противоборство две группировки писателей: с одной стороны Пушкин, Лермонтов, Гоголь и Чехов, а с другой — Мэри Шелли, Джейн Остин и Анна Радклифф пытаются своими текстами склонить чашу весов в пользу родной державы. В этом романе-ранобэ — разновидности японской манги — Юлия Яковлева создает фантазмагорический мир, в котором литература напрямую связана с исторической реальностью, способна ее менять и переписывать. Динамичный сюжет разворачивается вокруг вполне серьезного вопроса: могут ли авторы совладать с собственными произведениями и насколько они ответственны за дальнейшую судьбу своих творений? Юлия Яковлева — писатель, искусствовед и театральный продюсер, автор книг по истории балета («Создатели и зрители», «Азбука балета»), вышедших в издательстве «НЛО».

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован
фрагмент гравюры «Вид на берег Невы в Санкт-Петербурге».
1745-1794. Рейксмузеум, Амстердам / Rijksmuseum Amsterdam.

© Ю. Яковлева, 2023

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Ранобэ — это разновидность манги, развлекательный «легкий роман» с большим количеством диалогов.

— Как, разве всё тут? шутите! — Ей-богу.

— Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
А. С. Пушкин. Домик в Коломне

I know we shall be happy.
J. Austen. Sense and Sensibility

Глава 1. Горы

Ели двигались, ствол втекал в ствол, оба растворялись друг в друге, и тут же этот новый ствол влипал в следующий или сам принимал в себя — так шарики ртути стягиваются в разрастающуюся лужицу. На его глазах лес становился одним огромным деревом. Одновременно освобождал пространство для...

Он знал, для чего. Что должно было случиться.

Так было каждый раз. Каждый раз он ехал через лес — самый обыденный, прибалтийский, ничем не выдающий того, что сейчас начнется. Топотали по снегу копыта. Ели мелькали мимо в притворном равнодушии. В притворном безмолвии. Но легкая щекотка в загривке возвещала: сейчас. И каждый раз ужас захватывал его врасплох.

Огромный ствол... Нет, два. И не стволы, а ноги: мощные, они раздавались в мощные бедра с жирной треугольной складкой лобка. Кручей вздымался живот. Черные круглые соски тяжких грудей, казалось, глядели на него. Каждый раз он силился разглядеть, есть

у нее вообще голова-то... Но в этот раз мир встряхнуло на самом интересном месте:

— Владимир Иванович! Владимир Иванович!

Владимир Иванович резко сел, моргая.

Выдохнул сырой балтийский воздух, пахнувший елями, морем, смолой. Легкие на вдохе обожгло сухим горным холодом, так полезным чахоточным больным. И наконец Владимир Иванович проснулся.

Темнота не сразу проявила очертания палатки. Оранжевый огонь масляной походной лампы показал лицо денщика Яшки — усердное, даже слишком.

— Ох, не суй же прямо в физиономию, — отмахнулся от лампы Даль.

— Вы просили разбудить вас через три часа, господин доктор.

Даль проглотил зевок, удивился ворчливо:

— Уж три часа прошло?

Такая странная эта кампания. Все время хочется спать. Невыносимо. Потер глаза. Раздавил зевок о небо.

Краткий сон больше утомил, чем освежил.

Денщик подал меховые сапоги.

Полевой ящик с инструментами Даль уложил перед тем, как рухнуть на походную койку — и кануть в темноту.

Все сам отмыл. Все обернул салфетками, проваренными по методу Пирогова. Все уложил сам. Но затем целых три часа его здесь не было. Лежала только сопящая оболочка на походной койке.

Щелкнул замочками, поднял крышку с фирменным знаком «Шнеттер». Затаил дыхание, чтобы ненароком не впустить в царство асептики какой-нибудь миазм, и приподнял салфетку. Одним взглядом схватил железный блеск инструментов. Верхний ярус: все для трепанации черепа и ранений головы. Господи прости, надеюсь, сегодня не понадобится. Поднял эту доску. Осмотрел второй ярус: всё для ампутаций. Дугообразная пила, винтовой турникет для зажима культи, три

ножа, артериальный пинцет, костные щипцы. Всё на месте. Нижний ярус: щипцы для извлечения пуль, зажимы для артерий, иглы, нити. И пустое место — где должна быть плоская бутыль.

Так и думал.

— Асептик? — Даль обернулся на денщика.

Тот всплеснул руками.

— Вчерась всё извели. Столько резали, кромсали. Долью. Один момент.

Яшка метнулся к ящику у стены. Даль сделал вид, что занят шинелью. Поежился от прикосновения выстывшей подкладки. Стал застегивать ледышки форменных пуговиц. Застегивал шинель — а сам прислушивался к звукам за спиной. Клацнул замок. Стукнула поднятая крышка. Звякнула о бутылки бутыль. Тихо.

Даль дорисовал без усилий: томимые жаждой пальцы теребят резиновую пробку.

Даль покачал головой: вот так солдатушки бравы ребята и выдули чуть не недельный запас хирургического спирта для обработки инструментов, повязок, ран. А ведь крепость — девяносто шесть процентов. Силен русский человек!

Пробка тихо хлопнула. Бутылка воровато запрокинута. Буль!

Даль ухмыльнулся, предвкушая. И не ошибся.

Яшка закашлялся, матерясь. Рожа красная. Из глаз слезы.

— Что это? — сказал без голоса.

— Яков, — Даль сочувственно похлопал его по спине, — никогда не спешите, когда пьете. Дабы не попало в дыхательное горло.

Забрал бутыль, заткнул резиновой пробкой.

— Помру? — просипел Яков.

Даль уложил бутыль в ящик. Щелкнул замками.

— Не думаю. От чеснока еще никто не помирал. Есть, разумеется, более приятные на вкус антисептики — ромашка, мед...

— Водочка, — подсказал денщик.

— Так мы поди уже и не в России, мой друг, — пожал плечами доктор Даль. — Здесь в нашем распоряжении только чеснок. И тот дикий. *Allium ursinum*.

Известие сразило. Денщик ответил оловянным взглядом:

— Как же без водочки? Ваше... высока-ародие... Для духа боевого...

Горе было неподдельным. Даль терпеливо объяснил:

— Видите ли, Яков, антисептика в наши дни на положении спиритизма. Научно не доказано. Остается либо верить, либо нет. Я верю. Военное министерство — нет. Поэтому спирта нам больше не выдадут. Все вопросы — к интенданту. Вопросы есть?

Яшка тяжело вздохнул, обдав доктора чесночным амбре.

Вопросов не последовало.

Даль нахлобучил фуражку, закинул на плечо ящик. Вес в полной комплектации — восемь фунтов. Эх, ноги не казенные.

— Идем.

* * *

Изо рта вырывался пар. Ночь была не русской, сквозистой, а южной, непроницаемой. Все белое в ней казалось синим. Мороз был не русский: сухой и острый. Ледяная крошка звезд в небе образовывала созвездия, каких у нас тоже не увидишь. Трава невысоко поднималась от каменистой земли. Ни деревьев, ни кустов. Но небо все равно казалось низким: горы. В темноте Даль видел синие кресты солдатских портупей. Они бесшумно перемещались. По темным провалам среди крестов угадывались очертания легких пушек.

Пришли на позицию.

Даль разглядел синий плюмаж — Тучков! Подошел.